

УДК 902/904 (470.4/.5)

Поступила в редакцию: 03.04.2026
 Доработана после рецензирования: 14.06.2026
 Принята к публикации: 17.08.2026

О роли носителей позднесарматского культурного комплекса в культурах лесостепной и лесной зон Южного и Среднего Предуралья

Михаил Васильевич Кривошеев^{1#}, Владимир Юрьевич Малашев²

¹ Волгоградский государственный университет, Волгоград, Россия

² Институт археологии РАН, Москва, Россия

E-mail: krivosheev.azi@volsu.ru

Аннотация. В работе подводятся итоги анализа роли позднесарматского населения в генезисе культур лесостепной и лесной зон Южного и Среднего Предуралья в III–IV вв. н.э. Установлено, что финал позднесарматской культуры как целостного явления в степях Южного Урала и Нижнего Поволжья приходится на время до рубежа III–IV вв., с сокращением количества погребений после середины III в. н.э. Одной из ключевых причин ухода кочевников из степей стали природно-климатические изменения (увеличение увлажненности), что стимулировало поиск новых хозяйственных моделей, в т.ч. освоение межгорных долин. Синхронно этому фиксируется появление носителей позднесарматских традиций в лесостепном Предуралье (курганные могильники Дербеневский, Салиховский, Ахмеровский II, Нижнеарметовский); верхняя граница памятников определяется не позднее раннего IV в. н.э. Прекращение функционирования этих могильников совпадает по времени с оттоком кочевников из степной зоны; это население могло как ассимилироваться среди местных оседлых групп, так и мигрировать в Приаралье. Следующий этап распространения обряда подкурганных захоронений в Южном и Среднем Предуралье относится к началу гуннского времени (не ранее последней четверти IV в. н.э.). Между этими этапами выявляется хронологический разрыв не менее полувека. Установлено, что с позднесарматскими традициями может быть связан только Дежнёвский курганный могильник турбаслинской культуры, появление которого объясняется возвращением кочевников позднесарматского происхождения в составе гуннской орды. Формирование же таких курганных могильников как Тураевский, Бродовский, Кудашевский, не связано с прямым проникновением позднесарматских групп. Их появление обусловлено возвращением местного лесостепного и лесного населения, участвовавшего в гуннских походах, где была заимствована курганная обрядность и принесены трофеи иранского происхождения. Таким образом, в сложении курганных могильников региона в позднеримское и раннегуннское время прослеживаются разнонаправленные процессы: прямая миграция остатков позднесарматского населения и трансформация погребального обряда у местных групп под влиянием военно-политических событий.

Ключевые слова: Южное и Среднее Предуралье, позднесарматский культурный комплекс, турбаслинская культура, финал раннего железного века, курганы

Цитирование. Кривошеев М.В., Малашев В.Ю., 2026. О роли носителей позднесарматского культурного комплекса в культурах лесостепной и лесной зон Южного и Среднего Предуралья, *Уфимский археологический вестник*, т. 26, № 3, с. 579–597. <https://doi.org/10.31833/uav/2026.26.3.032>

Финансирование. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 25-28-00572, <https://rscf.ru/project/25-28-00572/> «Финал сарматской эпохи в волго-уральских степях: социально-исторические процессы и палеоэкологические условия».

Благодарности. Выражаем глубокую благодарность А.А. Красноперову, Н.С. Савельеву и И.О. Гавриухину за помощь и ценные консультации в процессе работы над данной статьей. Выражаем признательность Э.В. Камалееву и А.А. Колонских за консультации и в помощь в работе с материалами в фондах Музея археологии и этнографии ИЭИ УФИЦ РАН.

On the Role of Late Sarmatian Cultural Complex People in the Genesis of Cultures in the Forest-Steppe and Forest Zones of the Southern and Middle Cis-Urals

Mikhail V. Krivosheev^{1#}, Vladimir Yu. Malashev²

¹ Volgograd State University, Volgograd, Russia

² Institute of Archeology of RAN, Moscow, Russia

E-mail: krivosheev.azi@volsu.ru

Abstract. The paper provides an analysis of the role of Late Sarmatian cultural complex people in the genesis of cultures in the forest-steppe and forest zones of the Volga-Kama region and the Cis-Urals in the 200^s–300^s AD. It is established that the final phase of the Late Sarmatian culture as an integral phenomenon in the steppes of the Southern Urals and the Lower Volga dates back to before the turn of the 200^s–300^s. The number of burials decreases after the mid-200^s AD. One of the key reasons why the nomads left the steppes was climatic and environmental changes (increased humidity). This stimulated the people to search for new economic models, including the intermontane valleys exploitation. In the meanwhile, bearers of Late Sarmatian traditions appear in the forest-steppe Cis-Ural area (kurgan cemeteries Derbenevsky, Salikhovsky, Akhmerovsky II, Nizhnearmetovskiy). The upper chronological boundary of these cemeteries dates no later than the early 300^s AD. These sites ceased to function as the nomads retreated from the steppe zone; the population could either have assimilated into the local sedentary communities or migrated to the Aral Sea region. The next stage in the spread of kurgan burial rites across the Volga-Kama region and the Cis-Urals is identified in the early Hunnic period (no earlier than the last quarter of the 300^s AD). Between the stages, there is a chronological gap of at least half a century. Only the Dezhnevsky kurgan cemetery of the Turbasli culture can be associated with Late Sarmatian traditions. It appeared due to the return of nomads of the Late Sarmatian origin as part of the Hunnic horde. Such sites as the Turaevsky, Brodovsky, and Kudashevsky kurgan cemeteries are not linked to the direct intrusion of Late Sarmatian groups. However, they are linked to the return of local forest-steppe and forest people who had participated in the Hunnic campaigns, where they adopted kurgan burial rites and brought back trophies of Iranian and other origins. Thus, the formation of kurgan cemeteries in the region during the Late Roman and Early Hunnic periods reveals multidirectional processes: direct migration of the remnants of the Late Sarmatian population and the transformation of funerary rites among local groups influenced by military and political events.

Keywords: Volga-Kama region, Cis-Ural area, Late Sarmatian cultural complex, Turbasli culture, final stage of the Early Iron Age, kurgans

Citation. Krivosheev, M.V., Malashev, V.Yu., 2026, "On the Role of Late Sarmatian Cultural Complex People in the Genesis of Cultures in the Forest-Steppe and Forest Zones of the Southern and Middle Cis-Urals", *Ufa Archaeological Herald*, vol. 26, no. 3, pp. 579–597. (In Russ.) <https://doi.org/10.31833/uav/2026.26.3.032>

Funding. The research is funded by the Russian Science Foundation grant No. 25-28-00572, <https://rscf.ru/en/project/25-28-00572/> "The Finale of the Sarmatian Epoch in the Volga-Ural Steppes: Socio-Historical Processes and Paleoecological Conditions".

Acknowledgements. We express our deep gratitude to A.A. Krasnoperov, N.S. Savelev, and I.O. Gavritukhin for their assistance and valuable consultations during the creation of this article. We also express our gratitude to E.V. Kamaleev and A.A. Kolonskikh for their consultations and assistance with materials in the collections of the Museum of Archaeology and Ethnography of the Institute of Economic Research, Ufa Federal Research Center, Russian Academy of Sciences.

Введение

В работах, посвященных истории и археологии финального этапа раннего железного века Евразии (позднесарматское время) и начала эпохи Великого переселения (с конца IV в. н.э.)¹, глубоко укоренилась историографическая традиция,

возникшая во второй половине XX в., согласно которой господство сарматского населения в степной полосе Восточной Европы продолжалось до последней четверти IV в. н.э. и прекратилось в ходе гуннского нашествия. Данная историческая реконструкция основывалась, в первую очередь,

¹ Начало эпохи Великого переселения народов в энциклопедиях и школьных учебниках связано с масштабными событиями в Восточной и Центральной Европе, кардинально изменившими этнополитическую карту. Применение понятия «эпоха Великого переселения народов» к периоду III – второй половины IV в. н.э. в истории Вятско-Камского бассейна и Предуралья, когда довольно серьезные трансформации и, отчасти, миграционные импульсы фиксируются на ограниченной территории в культурах постпьяноборского круга, не выглядит убедительно. В археологических научных центрах этих регионов, к сожалению, культивируется применение этого понятия для более раннего периода (напр.: [Археология Волго-Уралья, 2022; Голдина, 2025]), что приводит к запутанности в понимании выводов местных коллег. Мы будем называть его традиционного «позднесарматской эпохой/временем» и относить его к финалу раннего железного века, солидаризируясь с другими коллегами [Гавритухин, 2022. С. 272].

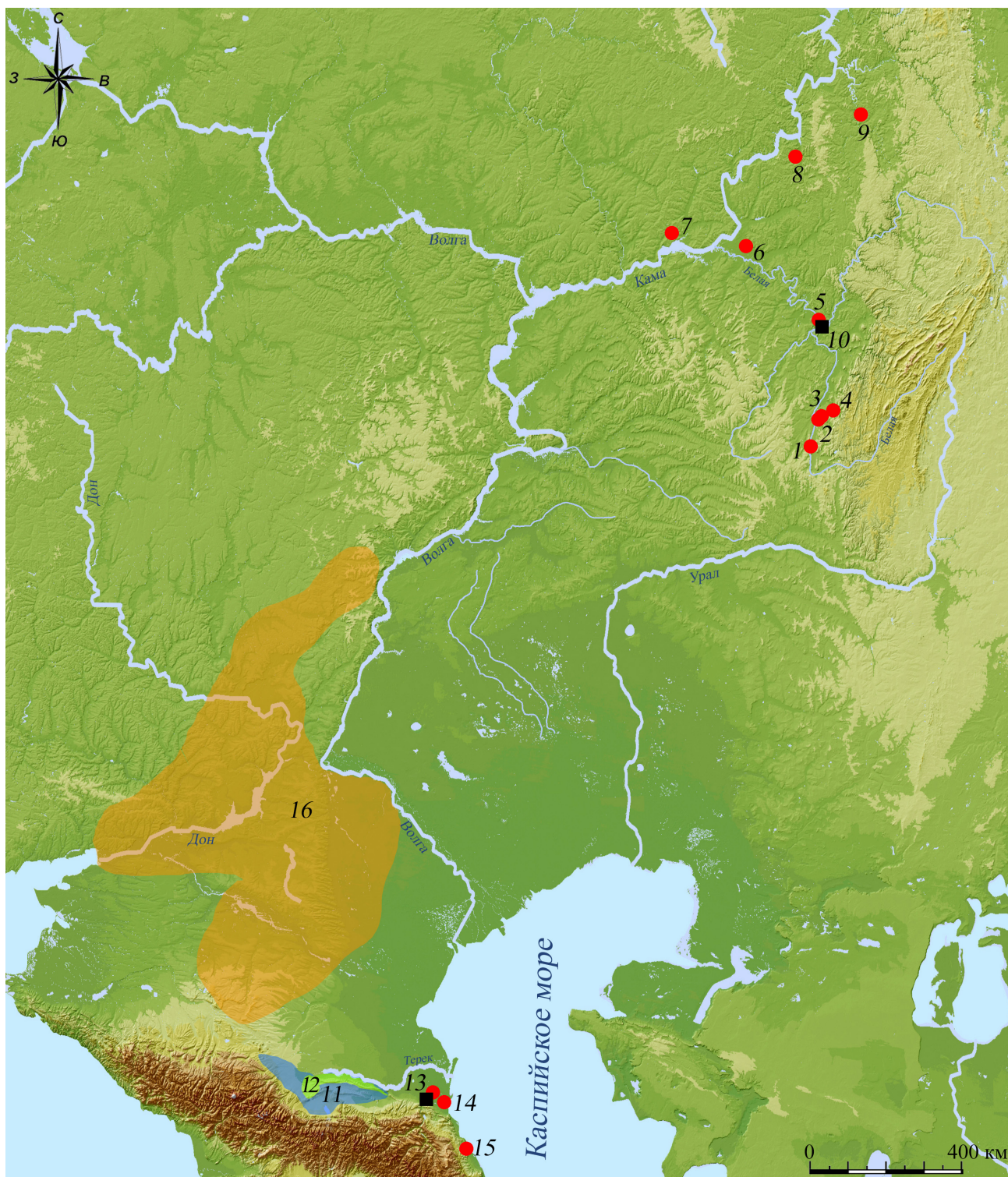

Рис. 1. Карта рассматриваемых памятников финала раннего железного века и начала эпохи Великого переселения народов в Урало-Волго-Донском регионе и на Северо-Восточном Кавказе.
 1 – Дербеневский; 2 – Салиховский; 3 – Ахмеровский II; 4 – Нижнеарметовский; 5 – Дежневский; 6 – Старо-Муштинский; 7 – Тураевский; 8 – Кудашевский; 9 – Бродовский; 10 – Уфа-II; 11 – ареал «метрополии» раннего этапа аланской культуры Северного Кавказа; 12 – ареал локального варианта раннего этапа аланской культуры Северного Кавказа на Среднем Тереке; 13 – Андрейяульское городище и его курганный некрополь; 14 – Львовские; 15 – Паласа-сыртский; 16 – ареал культуры «алан-танаитов»

Fig. 1. Map of the considered sites dated the end of the Early Iron Age and the beginning of the Great Migration Period in the Ural-Volga-Don region and in the Northeastern Caucasus.
 1 – Derbenevsky; 2 – Salikhovsky; 3 – Akhmerovsky II; 4 – Nizhnearmetovskiy; 5 – Dezhnevsky; 6 – Staro-Mushtinsky; 7 – Tu-raevsky; 8 – Kudashevsky; 9 – Brodovsky; 10 – Ufa-II; 11 – area of the “metropolis” of the early Alan culture in the North Caucasus; 12 – area of the local variant of the early stage Alan culture in the North Caucasus on the Middle Terek; 13 – Andreyaulsky hillfort and its kurgan necropolis; 14 – Lvovskie; 15 – Palasa-Syrtsky; 16 – area of the “Alan-Tanaites” culture

на слабой разработанности хронологии позднесарматских древностей, которая позволяла оперировать достаточно широкими периодами в истории позднесарматской культуры в рамках второй половины II – IV в. н.э. [Скрипкин, 1984]. Данная концепция позволяла специалистам, занимающимся изучением сообществ, находившихся на периферии сарматского мира, обосновывать влияние кочевников на формирование оседлых культур и культурные трансформации в них.

Основные концепции опираются на идеи миграционных импульсов сарматских воинских групп в лесостепную и лесную зоны Предуралья в III в. н.э. [Перескоков, 2018], отток кочевников в лесостепную зону в результате столкновения с готами и гуннами в IV в. н.э. [Голдина, 2025], влияние «гунно-сарматского объединения», сформировавшегося в Приуралье и Зауралье в позднесарматское время [Боталов, Гуцалов, 2000].

В данной статье мы коснемся вопросов возможности сарматского влияния и кочевнических культурных компонентов на общества лесостепной и лесной зон Южного и Среднего Предуралья. В современной ситуации в изучении древностей указанного региона в финале раннего железного века – начале эпохи Великого переселения народов можно констатировать наличие довольно острых дискуссионных тем, не имеющих однозначных решений, которые в большой степени влияют на интерпретацию древностей региона [Иванов, 2026]. Это касается и вопросов ареалов различных культур, и хронологических границ их существования, и нередко отсутствие консенсуса у исследователей в существовании некоторых культур. Во многом это объясняется как разными подходами различных региональных научных археологических школ к решению проблем, так и запутанными историографическими традициями [Иванов, 2026. С. 89].

В этих условиях приоритет в исследовании проблем региональных культур, безусловно, остается за местными исследователями. Мы свою задачу в данной работе видим в оценке «сарматского» влияния на оседлые культуры региона.

Точки зрения на участие позднесарматского компонента культурогенезе лесостепной и лесной зон Предуралья в финале сарматской эпохи

Приведем краткий обобщающий аналитический обзор различных точек зрения на участие позднесарматского компонента в этнокультурных процессах финала раннего железного века и начала эпохи Великого переселения народов.

Согласно разработкам Д.В. Шмуратко, «происхождение памятников «салиховского» типа и турбаслинской культуры, без сомнения, связано с доминирующим влиянием позднесарматской (южной) традиции» [Шмуратко, 2012. С. 136].

Основываясь на сходстве погребальных обрядов и типов керамики, Ф.А. Сунгатов прямо указывал на то, что население, оставившее памятники турбаслинской культуры, являлось потомками носителей позднесарматского культурного комплекса. Эти сарматские группы населения, по мнению исследователя, проживали на правом берегу р. Белая и были вовлечены в движение гуннов на запад. Гунны же, как считает Ф.А. Сунгатов, уже на протяжении двух столетий находились в Приуралье. Впоследствии, в V в., эти потомки сарматов вернулись в Приуралье [Сунгатов, 1998. С. 114].

И.Ю. Пастушенко связывает оформление турбаслинской культуры через цепочку событий и трансформаций, начавшихся с проникновения позднесарматских групп в лесостепную зону южной части Урало-Поволжского региона (типа Салиховских и Ахмеровских курганов) и их участием в формировании смешанных сармато-мазунинских памятников (Старо-Муштинский, Тураевский и Кудашевский) [Пастушенко, 2009. С. 115].

Согласно Н.С. Савельеву, присутствие позднесарматского компонента в регионе является установленным фактом [Савельев, 2025]. Приход носителей позднесарматской культуры и их постепенная ассимиляция в среде местного населения отражается, по мнению исследователя, в оформлении керамического комплекса турбаслинской культуры [Савельев, Русланов, 2026. С. 110].

Сарматскую основу в турбаслинских и именковских древностях отстаивает Е.П. Казаков, объединяя их в единую общность и связывая её происхождение с «поздними сарматами приаральских степей» [Казаков, 2018. С. 116; 2021. С. 36–37]. С этой точкой зрения не соглашается Р.Д. Голдина, указывая, что «поздних сарматов» в указанном регионе к этому времени нет [Голдина, 2025. С. 103].

В.А. Иванов, проведя ревизию современного состояния культур финала раннего железного века в Предуралье [Иванов, 2026. С. 87] и демонстрируя знакомство с современными работами по хронологии кочевнических древностей, где приведены аргументы об отсутствии позднесарматской культуры в Южном Приуралье в IV в. н.э. [Малашев, 2009; 2013; Малашев, Кривошеев, 2022], тем не менее, обращается к идее о генетической связи именковской и турбаслинской культур с памятниками гунно-сарматского объединения в степях Урало-Иртышского междуречья, предложенного С.Г. Боталовым [Боталов, Гуцалов, 2000].

И.О. Гавритухин допускает участие населения, оставившего могильники типа Салихово на правом берегу Белой, в формировании ранних традиций турбаслинской культуры, что нашло отражение в Дежневском могильнике. Автор видит верхнюю границу салиховской группы памятников в первых десятилетиях IV в. н.э. Дежневский же могильник возник не позднее второй половины IV в. н.э. [Гавритухин, 2022. С. 306, 315]. Однако

учитывая наличие в нем предметов, связываемых с сасанидским кругом традиций и получивших широкое распространение в регионе начиная с гуннского времени, более вероятно, что его нижняя граница оценивается не ранее второй половины IV в. н.э. (скорее, даже последняя четверть).

Значительный пласт дискуссии посвящен интерпретации памятников, которые рассматриваются как следы продвижения позднесарматских групп в лесостепную и лесную зоны (Тураевские курганы, Старо-Муштинский, Бродовский могильники) в виде военных «выплесков» и их роли в сложении древностей харинского типа в Верхнем Прикамье. М.Л. Перескоков видит сарматский компонент среди мигрантов, не исключая иную этническую принадлежность разных групп. По мнению автора, возможны два вектора проникновения инородных групп в Прикамье, различающихся по времени (на протяжении III–IV вв. н.э. и наиболее интенсивно – в третьей четверти IV – на рубеже IV–V вв. н.э.) и направлениям: юго-западное (вдоль р. Кама) и южное (Старая Мушта, курганы типа Салихово) [Перескоков, 2018. С. 119, 122]. Миграции «поздних сарматов» в IV в. н.э., связанные с попытками кочевников скрыться в лесах после военных операций готов, гуннского нашествия, разгрома гуннами державы Германариха [Перескоков, 2018. С. 119], стали генетической основой для памятников «харинского» типа на Верхней Каме [Шмуратко, 2012. С. 137, 142].

Таким образом, из приведенного выше краткого обзора видно, что позднесарматское влияние на жизнь обитателей лесостепной и лесной зоны финала раннего железного века и начала эпохи Великого переселения народов Предуралья рассматривалась в концепциях многих исследователей. Так, ряд авторов связывает формирование турбалинской культуры с миграцией позднесарматских групп в лесостепное Приуралье, их смешением с местным населением и последующим обратным движением после участия в гуннских событиях. Другие исследователи видят сарматское влияние на формирование курганных могильников в рассматриваемом регионе как последствия нескольких миграционных волн из степной зоны на север. В целом, большинство исследователей склоняется к идее об участии позднесарматского населения в формировании тех групп памятников и культур, для которых свойственны нехарактерные для местного населения такие обрядовые нормы как подкурганый обряд, северная ориентировка, ярко выраженный воинский вещевой комплекс.

О верхней хронологической границе позднесарматской культуры степной части Южного Урала

Для того чтобы приступить к решению задач, которые стоят перед нашим исследованием, следует обозначить современные представления о финале позднесарматской культуры в степях Волго-Уралья.

Наиболее поздние комплексы в степной зоне Южного Приуралья указывают на даты в пределах середины – второй половины III в. н.э. Важно отметить, что индикаторов IV в. н.э. в этих материалах нет [Малашев, 2013. С. 127–131]. Исключением может быть только комплекс воинского погребения из кургана 4 могильника Таксай I [Кривошеев, Лукпанова, 2015]. Основанием для этого, по И.О. Гавритухину, является наличие в комплексе пряжки с В-образной рамкой, определяющей дату захоронения не ранее IV в. н.э. [Гавритухин, 2022. С. 303], скорее, не ранее первых десятилетий этого столетия [Гавритухин, 2024. С. 207]. Однако этому не соответствует остальной погребальный инвентарь (две другие пряжки, нож с биметаллической сложносоставной рукоятью, котелок типа «Дебельт»), характерный для наборов не позднее второй половины III в. н.э. и неизвестный в комплексах IV в. н.э. [Кривошеев, Лукпанова, 2015. С. 106. Рис. 2, 1, 3, 4, 8]. Более вероятной датой данного погребения представляется время около рубежа III/IV вв. н.э.

В Самарском Поволжье наиболее поздние сарматские памятники также могут датироваться около конца III – начала IV в. н.э. [Сташенков, 2022. С. 319].

Для территории Нижнего Поволжья погребения носителей позднесарматского культурного комплекса, относящиеся к IV в. н.э., немногочисленны и насчитывают всего пять захоронений [Кривошеев, Малашев, 2025. С. 177, 179]. В IV в. н.э. более западные степные районы, относящиеся к Нижнедонскому региону, были заняты носителями традиций памятников степного Волго-Донья и Предкавказья середины III – IV в. н.э. (культура «алан-танаитов»), отличных от позднесарматской культуры [Малашев, Кривошеев, 2023; Кривошеев, Малашев, 2025. С. 179–180].

Таким образом, для IV в. н.э. нет оснований говорить о позднесарматской культуре степей Восточной Европы как о целостном явлении, что ранее уже отмечалось [Малашев, 2009. С. 47–50].

О верхней хронологической границе группы памятников, связываемых с позднесарматской культурой в лесостепной зоне правобережья р. Белая

Обратимся к группе курганных могильников лесостепного Предуралья, находящихся к западу от гор Южного Урала, которые многими исследователями интерпретировались как связующее звено между позднесарматскими древностями и проявлениями влияния кочевников на оседлые культуры лесостепной и лесной зон Южного и Среднего Предуралья.

В первую очередь, рассмотрим памятники, которые можно соотносить с носителями позднесарматского культурного комплекса (рис. 1).

Дербеневский могильник [Пшеничнюк, 1992]. Погребения совершены в узких прямоугольных меридионально ориентированных ямах под индивидуальной насыпью, ориентировка погребенных – в северный сектор. У некоторых индивидов фиксируется искусственная деформация черепов. Погребальный инвентарь, включая лепную посуду, соответствует вещевым наборам позднесарматской культуры степей Южного Урала. Датировка исследованных погребений может опираться на находки фибул (группы 13 с узкой треугольной и ромбической спинками, а также реплики двучленных прогнутых подвязных группы 16 по А.К. Амброзу) [Пшеничнюк, 1992. Рис. 3, 5, 8; 6, 10–12, 14, 18] и калачевидных полых серег [Пшеничнюк, 1992. Рис. 3, 1, 2; 6, 6, 7]; наиболее ранним является фрагмент зеркала-подвески с боковой ручкой и рельефным орнаментом на обратной стороне (тип IX по А.М. Хазанову) [Пшеничнюк, 1992. Рис. 6, 17]. В целом датировка памятника рассматривается в рамках середины (поздней части первой половины) – второй половины III в. н.э. И.О. Гавритухин на основании двух реплик двучленных прогнутых подвязных фибул не исключает захождения в IV в. н.э. [Гавритухин, 2022. С. 303]. Исходя из общего облика инвентаря, данное захождение не будет значительным, ограничиваясь самым началом столетия, и не влияет на характер дальнейших выводов.

Салиховский могильник [Васюткин, 1986]. Для него характерен курганный обряд с погребениями в узких прямоугольных меридионально ориентированных ямах под индивидуальной насыпью, ориентировка погребенных в секторе север – северо-восток. Присутствие (около 10% случаев) костей мелкого рогатого скота в могилах связывает данные обрядовые признаки с позднесарматской культурой степей Южного Урала. Изредка встречена искусственная деформация черепов погребенных. Среди погребальных конструкций отметим яму с заплечиками и, скорее всего, подбой, диагностируемый по низкой ступеньке у продольной стенки [Васюткин, 1986. Рис. 5, 4]. В качестве особенностей – использование камней в конструкции насыпи и широких ступенек/уступов у одной или двух торцевых стенок, не имеющие аналогий; последние, с учетом их фиксации в нарушенных ограблении погребениях, являются, что более вероятно, остатками грабительских ям. Погребальный инвентарь обнаруживает больше соответствий с памятниками оседлых культур Приуралья, нежели с предметами материальной культуры позднесарматских памятников: это – керамический комплекс, исключая часть горшков и северокавказский кувшин (или его местная реплика – [Васюткин, 1986. Рис. 8, 10]), характерный для керамической традиции раннего этапа аланской культуры, и металлический инвентарь (одна из пряжек, поясные накладки, подвески и др.). Боль-

шая часть предметов ременных гарнитур [Васюткин, 1986. Рис. 6, 12, 13, 15–18] дает основания датировать могильник второй половиной III в. н.э. с заходом в IV в. н.э. [Васюткин, 1986. Рис. 6, 19], что отмечалось И.О. Гавритухиным [Гавритухин, 2022. С. 304–305].

Ахмеровский II курганный могильник [Васюткин, 1977]. Ряд его особенностей находит соответствия в позднесарматской культуре: наличие костей животных и сосудов под насыпью; меридионально ориентированные узкие прямоугольные ямы, как правило, под индивидуальными насыпями; деформация черепов у части погребенных. В захоронениях преобладает ориентировка в северный сектор, однако около 40% составляют ориентировки в восточный и южный секторы, что отличает его от могильников позднесарматской культуры степей Южного Урала. Автор публикации склоняется к атрибуции памятника как оставленного позднесарматским населением, испытывавшим влияние местного оседлого населения, с чем можно согласиться. Керамический комплекс носит смешанный характер, с преобладанием форм, не характерных для степных позднесарматских комплексов. Металлический инвентарь [Васюткин, 1977. Рис. 6, 14–16, 20, 21, 23, 24], аналогичный находкам в комплексах позднесарматской культуры, указывает на верхнюю дату как вторую половину III в. н.э. без его финала; нижняя граница допускает незначительное захождение в первую половину данного столетия.

Нижнеарметовский курганный могильник [Красноперов, Бахшиев, 2019]. Информация о погребальном обряде отсутствует, часть вещей имеет многочисленные соответствия в инвентаре погребений позднесарматской культуры. Авторы публикации датируют материалы первой половиной III в. н.э. [Красноперов, Бахшиев, 2019. С. 110]. При этом одна из пряжек [Красноперов, Бахшиев, 2019. Рис. 3, 265/3] с фасетированным язычком и низким выступом у основания, гравированным кошой сеткой, соотносится с застежками середины – второй половины III в. н.э. [Малашев, 2014. С. 136, 139].

Приведенный обзор материалов из курганных могильников лесостепного Предуралья, ассоциирующихся с позднесарматскими культурными традициями, указывает на нижнюю границу около середины III в. н.э., верхнюю – в рамках второй половины III в. н.э. с незначительным заходом в IV в. н.э.

О хронологии и культурной атрибуции Тураевского, Бродовского и Старо-Муштинского могильников

Теперь перейдем к рассмотрению группы памятников, которые многими исследователями связываются своим происхождением с проникновением позднесарматских воинских групп в среду таких оседлых культур как музининская и гляде-

новская. Основным аргументом связи этих памятников с кочевниками являлось наличие курганных насыпей над погребениями. Анализ вопросов хронологии этих памятников, в первую очередь нижней границы, был подробно рассмотрен в работах И.О. Гавритухина и А.А. Красноперова [Гавритухин, 2022; Гавритухин, Красноперов, 2022], на которые мы далее будем опираться.

Тураевский курганный могильник [Генинг, 1976; Гавритухин, Красноперов, 2022]. Захоронения совершены в ямах, в ряде случаев с использованием деревянных гробовин для размещения тела. Погребенные ориентированы головой на юго-запад, что отличает их от позднесарматской погребальной традиции. Датировка курганов укладывается в рамки последней четверти IV в. н.э. [Гавритухин, Красноперов, 2022. С. 186]. Отмечена важная особенность группы предметов погребального инвентаря, связанной с воинской экипировкой и восходящей к Сасанидскому Ирану [Гавритухин, Красноперов, 2022. С. 192]. При этом основные признаки погребального обряда Тураевских курганов соответствуют традициям Тураевского I (грунтового) могильника [Голдина, Бернц, 2010], как в отношении конструкции погребальных сооружений, так и ориентировки погребенных. Верхняя хронологическая граница последнего, исходя из имеющейся выборки комплексов, рассматривается не позднее третьей четверти IV в. н.э. или немного ранее [Гавритухин, 2022. С. 277]. В целом, основные обрядовые особенности обоих памятников соответствуют традициям мазунинской культуры. То есть, хронология подкурганных захоронений Тураевского некрополя и грунтовых могильников местного мазунинского населения в этом районе демонстрируют лауну в четверть века, поскольку для воинской группы из Тураевских курганов «совокупная хронология очень плотная, в пределах от середины IV до рубежа IV/V в. ... Расположенные здесь же грунтовые могильники мазунинской культуры нет оснований датировать позднее середины IV в., а курганные и грунтовые комплексы хронологически между собой не смыкаются» [Красноперов, 2022. С. 272].

Бродовский могильник [Генинг, 1953; Голдина, 1986; Голдина, Водолаго, 1990]. В памятнике фиксируются как подкурганные, так и бескурганные захоронения, объединенные общим погребальным обрядом. Погребальный обряд подкурганных захоронений представляет собой ямы с деревянной внутримогильной конструкцией в виде гробовины для размещения тела и доминирующей ориентировкой погребенных в южный и западный секторы. Наиболее ранние комплексы датируются последней четвертью IV в. н.э. или немного позднее (конец IV – начало V в. н.э.) [Гавритухин, 2022. С. 300, 315]. Деформация черепа зафиксирована лишь в одном погребении [Голдина, 1986. С. 47].

Исходя из обрядовых признаков памятник также не соответствует традициям позднесарматской культуры.

Старо-Муштинский могильник [Сунгатов, Гарустович, Юсупов, 2004]. Стоит отметить, что существует мнение о спорной атрибуции могильника как курганно-грунтового некрополя, а именно возможности интерпретации фиксирующихся возвышений как курганных насыпей [Гавритухин, 2022. С. 279]. Но это не главное. Гораздо важнее выглядит такой признак как доминирующая ориентировка погребенных в южный – юго-западный сектор, соответствующая бескурганным захоронениям данного памятника, не характерная для носителей позднесарматского культурного комплекса. Верхняя хронологическая граница, синхронизируемая с Тураевским курганным могильником, определяется последней четвертью IV в. н.э. [Гавритухин, 2022. С. 279]. Характер погребального инвентаря полностью соответствует древностям мазунинской культуры.

Таким образом, формирование наиболее ярких курганных могильников, содержащих выразительные воинские комплексы с большим количеством вещей импортного происхождения (Тураевский, Бродовский), связано с периодом не ранее последней четверти IV в. н.э.

Описанная ситуация с финалом позднесарматской культуры и памятниками оседлого населения начала эпохи Великого переселения народов приводит к необходимости пересмотра реконструкций этнокультурных процессов в лесостепной и лесной зонах Южного и Среднего Предуралья, в которых ранее предлагалось видеть влияние позднесарматской культуры. Знакомство с источниками и кругом исследований, касающихся этого вопроса, показывает, что обоснование сарматского влияния на оседлые сообщества опиралось на нередко устаревшие разработки, слабую проработанность хронологических шкал различных категорий инвентаря, а также на историографическую традицию, которая доводила существование позднесарматской культуры до конца IV в. н.э. Это позволяло исследователям рассматривать такие элементы позднесарматского культурного комплекса как курганы небольших размеров, подбойные и узкие прямоугольные могилы, северная ориентировка погребенных, искусственная деформация черепов, некоторые категории инвентаря в древностях гуннской эпохи не только как эволюционное продолжение сарматской эпохи, но и непосредственное участие позднесарматских групп населения в формировании некоторых памятников Волго-Уралья в финале раннего железного века и начале эпохи Великого переселения народов в зоне оседлого населения.

Современное понимание финала позднесарматской культуры около рубежа III–IV вв. н.э. фиксирует явный хронологический разрыв между эти-

ми кочевническими древностями и памятниками гуннского времени, что исключает возможность прямой эволюционной линии преемственности между ними и эпохой Великого переселения народов.

О происхождении турбаслинской культуры

Однако на территории Предуралья существуют две группы памятников, в которых многие исследователи видят преемственность культурных традиций: это могильники в лесостепной зоне правого берега р. Белая «Дербеневский-Салиховский-Ахмеровский II» и турбаслинская культура.

В работах, посвященных генезису населения раннего средневековья Предуралья, как уже было показано в историографическом обзоре, большое внимание уделялось значению позднесарматского компонента, который связывался с группой подкурганых памятников на правом берегу р. Белая в южных районах Башкирии. Эта точка зрения исходила из устаревшего на данный момент представления о верхней границе позднесарматской культуры в конце IV в. н.э. [Скрипкин, 1984. С. 115–116; Мошкова, 1989. С. 191]. Современный анализ хронологии позднесарматских древностей в Южном Приуралье в целом [Малашев, 2013] и группы могильников Дербеневский-Салиховский-Ахмеровский II в частности показывает, что позднесарматская культура в регионе как целостное явление прекращает существование в конце III – начале IV в. н.э.

Наиболее ранние комплексы среди турбаслинских памятников представлены в *Дежневском (Уфимском) могильнике* [Пшеничнюк, 1968; Васюткин, 1970]. Он состоит более чем из ста преимущественно небольших курганных насыпей, содержащих от одного до трех индивидуальных погребений. Абсолютно доминируют узкие прямоугольные ямы, в которых зафиксирована северная ориентировка погребенных, искусственная деформация черепов. Возникновение курганного некрополя относится ко времени не ранее второй половины IV в. н.э., но, более вероятно, синхронизируется с хронологией Тураевского курганного могильника (последняя четверть IV в. н.э.) [Гавриутхин, 2022. С. 306].

Таким образом, предположение о прямом участии позднесарматского населения в формировании, в первую очередь, турбаслинской культуры

имеет серьезный недочет в связи с фиксирующим хронологическим разрывом между наиболее поздними позднесарматскими памятниками и ранним горизонтом турбаслинской культуры, представленным в Дежневском могильнике, начало функционирования которого относится ко времени не ранее второй половины IV в. н.э., а более вероятно – к последней четверти данного столетия. Мы не исключаем, что данная хронологическая лакуна между позднесарматскими могильниками на р. Белая и турбаслинскими курганами когда-нибудь заполнится неизвестными на данный момент памятниками. Однако современное состояние источниковой базы не позволяет этого сделать.

Тем не менее, выводы о близости и генетической преемственности позднесарматской группы могильников на р. Белая и ранних турбаслинских памятников имеют под собой веские основания, поскольку характерные черты позднесарматского культурного комплекса четко представлены в обеих группах: курганные насыпи небольших размеров, северная ориентировка погребенных, наличие искусственной деформации черепов, высокая степень сходства морфологических и технологических характеристик некоторых типов керамики.² Однако хронологический разрыв как минимум в половину столетия между этими группами памятников не дает оснований связать их в линию прямой преемственности.

Авторами данной статьи ранее было высказано предположение о возможной смене хозяйственной модели позднесарматскими группами, оставившими курганные могильники в предгорной зоне на правом берегу р. Белая, на новую для степного населения форму скотоводства и использования горных долин в качестве пастбищ и защиты без необходимости выхода в степные пространства, по крайней мере, в зимний сезон. К тому же в последнее время в этом районе стали известны поселенческие памятники, которые вполне соотносятся со стоянками скотоводов этого времени [Савельев, Русланов, 2026]. Не исключалась определенная интеграции кочевого населения, отступившего из степной части в предгорные и лесостепные зоны Предуралья, в среду местного населения [Кривошеев, Малашев, 2026]. Тем не менее, оставался открытым вопрос о причинах и следствиях прекращения функционирования указанных позднесарматских могильников около рубежа III–IV вв. н.э.

² Речь идет о морфологической близости некоторых форм горшков, составляющих ядро керамического комплекса позднесарматских Дербеневского, Салиховского, Ахмеровского II могильников и представленных в Дежневском могильнике турбаслинской культуры (что уже отмечалось Ф.А. Сунгатовым [Сунгатов, 1995. С. 39–40]), в рецептуре теста которых в качестве примеси абсолютно доминирует шамот [Савельев, 2025. С. 196]. Примесям в тесте, к сожалению, практически не придавалось значения при исследовании керамического комплекса турбаслинской культуры. На наш взгляд, подробное изучение турбаслинских древностей на основе проработки дробной хронологии памятников позволит выявить не только динамику развития культуры, но и особенности формирования керамического комплекса в условиях взаимодействия с традициями оседлого населения региона. Первые работы в этом направлении демонстрируют интересные и перспективные результаты [Мухаметдинов, Фазрахманова, 2013; Русланов, Шамсутдинов, Романов, 2016. С. 45–55].

В настоящей статье нами предлагается возможное объяснение данной ситуации и дальнейшей судьбы кочевого населения, а также его участия в сложении культур Предуральяского региона.

Напомним, что финал позднесарматской эпохи характеризуется важными глобальными палеоклиматическими изменениями как минимум в Восточной Европе, и, вероятно, в Западной Сибири. В этот период увеличивается увлажненность климата, проходя стадию оптимума во второй половине II – первой половине III в. н.э., и до чрезмерной степени, обозначающейся как «позднесарматский микроплювиал», во второй половине III – IV в. н.э. [Демкин и др., 2012. С. 72; Кривошеев, Борисов, 2023; 2026].

Меняющиеся природные условия стали негативным фактором для хозяйственной деятельности, основанной на кочевом и полукочевом скотоводстве. Обильные зимние осадки и комплекс иных неблагоприятных условий, сопровождающих проникновение теплых и влажных западных циклонов далеко на восток на фоне ослабления Азиатского антициклона, повлияли на отток кочевого населения из степной зоны [Кривошеев, Борисов, 2019]. Вероятно, именно эти изменения стали причиной появления позднесарматского населения в лесостепной зоне Предуралья на правом берегу р. Белая.

Те же природные изменения, связанные с увеличением увлажненности климата в условиях оптимума, стали благоприятным фактором для оседлого населения, основой хозяйства которого стали как земледелие (черняховская культура), так и отгонное и придомное скотоводство (мазунинская, позднегладеновская культуры). На этом фоне происходило динамичное развитие указанных культур. К IV в. н.э. в условиях тренда к увеличению гумидности в оседлых сообществах Южного и Среднего Предуралья отмечается активное внедрение земледелия [Кривошеев, Борисов, 2023; 2026; Orlova et al., 2025].

Сравнительный анализ материалов памятников группы Дербеневский-Салиховский-Ахмеровский II и наиболее раннего турбаслинского Дежнёвского могильника демонстрирует значительное сходство некоторых погребальных традиций, которые, без сомнений, указывают на круг древностей степного мира кочевников финала раннего железного века.

Мы полагаем, что эти обе группы могут быть связаны едиными генетическими и культурными отношениями, но на имеющемся материале южноуральского региона отсутствует связующее звено, которое позволяло бы объяснить имеющиеся различия в некоторых нормах обрядности и инвентаре. Нельзя исключать, что, помимо гипотезы об интеграции носителей позднесарматского культурного комплекса в среду местного населения, можно рассмотреть версию об оставлении

кочевниками лесостепной зоны правобережья р. Белая в поисках более благоприятных условий проживания и ведения хозяйства. Возможно, в условиях продолжающегося увеличения гумидности нарастание негативных факторов для выпаса животных зимой в предгорной зоне и в межгорных долинах Южного Урала к IV в. н.э. стало причиной миграции этих групп скотоводов в более благоприятные регионы. И произойти это могло не позднее конца III – начала IV в. н.э. Напомним, что в это же время также были оставлены кочевым позднесарматским населением степные районы Южного Приуралья [Малашев, 2013].

Одним из возможных направлений миграционных потоков позднесарматского населения из Южного Приуралья в указанное время было Приаралье [Малашев, 2013. С. 170]. Вполне возможно, что население правобережья р. Белая включилось в этот процесс. Взаимодействие населения Южного Приуралья и Приаралья, а также Средней Азии в целом, были достаточно устойчивыми [Малашев, 2013. С. 32, 158]. В степных погребениях Южного Приуралья встречаются такие импортные категории инвентаря как среднеазиатская красноглиняная круговая посуда, каменные детали отделки мечей, китайские зеркала и их реплики, калачевидные полые серьги [Малашев, 2013. Рис. 6, 7, 64; Кривошеев, 2017]. В свою очередь предметы инвентаря, характерные для позднесарматской культуры, известны в материалах Приаралья [Левина, 1996. С. 221. Рис. 139, 1–4. Илл. 25].

Напомним, что позднесарматская культура появляется во второй половине II в. н.э. во всем ареале от Зауралья до Нижнего Дона в сформировавшемся виде. Средняя Азия, по мнению многих исследователей, являлась одним из регионов, население которого активно участвовало в формировании позднесарматской культуры [Скрипкин, 2011; Малашев, 2013. С. 146–162]. В этой связи отток части позднесарматского населения в хорошо знакомом восточном направлении кажется вполне логичным.

Вполне вероятно, что кочевое население Приаралья, включая откочевавших сюда приуральских номадов, было включено в движение гуннской орды на запад во второй половине IV в. н.э. Появление кочевников, в первую очередь оставивших Дежнёвский могильник, в центральных районах Башкирии, на территории современного г. Уфа в конце IV в. н.э., может объясняться их возвращением на знакомую территорию, с которой они (их предки (?)) откочевали в Приаралье около рубежа III–IV вв. н.э. Идея о происхождении турбаслинской культуры с территории Приаралья на основе анализа керамического комплекса уже высказывалась И.Э. Любчанским [Любчанский, 2006].

Выбор района, где обосновались группы населения «турбаслинцев», вероятно, был не случайным. В IV в. н.э. именно район «Уфимского полу-

острова» являлся южной границей распространения носителей бахмутинской культуры, население которой, в отличие от своих предшественников, носителей кара-абызской культуры, активно занималось земледелием, как одним из основных видов деятельности [Колонских, 2024. С. 42, 105, 164, 166], что обеспечило устойчивую хозяйственно-экономическую модель на многие столетия вперед.

На территории современной Уфы сосредоточено большое количество археологических памятников, представленных как курганными могильниками кочевого по происхождению населения, так и поселенческими объектами, в том числе одним из крупнейших средневековых городищ Южного Урала – Уфа-II, на котором, судя по сочетанию различных керамических комплексов, присутствовали как представители турбаслинского, так и бахмутинского населения. Большое количество курганных и грунтовых некрополей в окрестностях Уфы-II демонстрирует значение этого района как важного экономического и культурного узла в истории Южного Урала [Сунгатов и др., 2024].

Появление носителей турбаслинской культуры, своим происхождением связанных с кочевым миром, могло оформиться в сложное взаимодействие скотоводов и оседлого населения, которое напоминало систему отношений кочевого и городского населения в сарматское время в Танаисе на Нижнем Дону, в районе Андрейаульского городища [Малашев, 2026] в предгорной зоне Северо-Восточного Кавказа, в джетыясарской культуре Приаралья. Вероятно, турбаслинское население активно интегрировалось в местное бахмутинское, длительное время сохраняя черты собственных погребальных традиций, в том числе подкурганный обряд захоронения, северную ориентировку, оригинальную керамическую традицию и рецептуру теста.

К вопросу об участии лесостепного и лесного населения Южного и Среднего Предуралья в гуннских походах

Современный анализ памятников, которые связывались с влиянием позднесарматских кочевников в среде оседлых культур, демонстрирует, что, скорее всего, они были оставлены местным населением, которое вернулось на исходную территорию после участия в далеких военных кампаниях. Это участие связано, конечно, с масштабными процессами начала эпохи Великого переселения народов, ядром которого принято считать гуннов. Этнический состав участников гуннского нашествия был крайне разнообразным. В нем участвовали как кочевые народы, так и оседлые, среди которых, вероятно, были представители мазунинской и бахмутинской культур.

После окончания походов, помимо погребальных обрядовых норм, которые стали социально-значимыми элементами (курганные насыпи и, ви-

димо, прикурганные ровики), заимствованными у кочевников и принесенных воинскими группами в лесостепную и лесную зону, сюда попадают импортные, вероятно, трофейные вещи восточного (иранского) происхождения и инвентарь, полученный при контактах с союзниками – северокавказскими народами (аланами, маскутами и др.).

Население турбаслинской культуры, очевидно, не осталось в стороне от этих военных событий. И здесь возможны два сценария. Первый – часть носителей позднесарматского комплекса сохранилась в лесостепном Предуралье до начала эпохи Великого переселения народов и была вовлечена вместе с населением лесной и лесостепной части региона в военные предприятия в составе гуннского объединения. Этому противоречит отсутствие на сегодняшний день курганных могильников, заполняющих хронологическую лауну в древностях этого круга (Дербеневский-Салиховский-Ахмеровский II и Дежневский) между началом и последней четвертью IV в. н.э.; при этом нельзя исключать такой контраргумент как степень исследованности подобных памятников на данной территории. Второй – появление непосредственных предков носителей турбаслинской культуры в Предуралье после похода гуннов 395–398 гг. в Закавказье и Переднюю Азию. Эта гипотеза подразумевает приход в Предуралье кочевого населения Приаралья вместе с откочевавшими ранее на восток приуральскими номадами (см. выше). К этому варианту можно добавить одно наблюдение. В двух курганах Дежневского (Уфимского) и одном кургане Тураевского могильников зафиксирован дополнительный элемент конструкции погребального сооружения в виде ниши для размещения инвентаря за головой погребенного [Пшеничнюк, 1968. Рис. 2, 2; Сунгатов, 1995. Рис. 1, 3; Генинг, 1976. Рис. 14, 1]. С одной стороны, она имеет аналогию в Паласа-сыртском курганном могильнике, но в погребении с южной ориентировкой, связанной с сохранением в регионе среднесарматских обрядовых традиций [Малашев, Гаджиев, Илюков, 2015. Рис. 27]. С другой стороны, подобные по функции ниши, но находившиеся у боковой (восточной) стенки, были распространены в погребениях джетыясарской культуры [Левина, 1996. Рис. 51–54].

Рассмотрим вопрос о том, с какими событиями можно связать распространение курганных могильников (Тураевского, Бродовского, Кудашевского и Дежневского) в лесостепном и лесном Предуралье. Начало их функционирования по времени совпадает с походом гуннов 395–398 гг. в Закавказье и Переднюю Азию, как с одним из наиболее крупных военных предприятий гуннского времени [Фурсев, 2012. С. 450]. Об этом может свидетельствовать наличие в лесостепных памятниках предметов сасанидского импорта, реплик керамики аланской культуры и зеркал, как аргу-

ментов в пользу данного похода в составе войска, включавшего также алан-танаитов и маскутов через Дербентский проход [Малашев, Кривошеев, 2024], о чем будет сказано ниже.

Отметим археологические свидетельства участия в этом масштабном военном походе представителей различных этнокультурных групп.

1. Есть основания считать, что в составе гуннского объединения, совершившего данный поход, могло присутствовать сохранившееся до финала IV в. н.э. население Волго-Донских степей («аланы-танаиты»). Это подтверждается сходством редких типов катакомб волго-донских памятников с аналогичными погребальными сооружениями Паласа-сыртского могильника – крупнейшего курганного некрополя «Страны маскутов» (Южный Дагестан) финала позднесарматского времени – начала эпохи Великого переселения народов середины IV – первой половины/середины V в. н.э. [Малашев, Кривошеев, 2024. С. 54–57].

2. Представляет интерес погребальный инвентарь кургана 11 могильника Волчьих ворота из Кисловодской котловины, относящегося к финалу (последней четверти) IV – началу V в. н.э. В нем встречены два костяных наконечника стрел, появление которых в европейской части степи и Северном Кавказе относится к гуннскому времени, и золотая обкладка навершия меча, восходящая к сасанидским образцам, получившим распространение в начале эпохи Великого переселения народов [Коробов, Малашев, 2015. С. 226–227. Рис. 2, 6, 7; 4, 5]. Широтная ориентировка входной ямы и расположение камеры у северо-западной стенки [Коробов, Малашев, 2015. Рис. 1] связывает конструкцию данного погребального сооружения с традициями локального варианта раннего этапа аланской культуры на Среднем Тереке [Малашев, 2024. С. 637], основное направление экспансии представителей которого было на территорию Прикаспийского Дагестана; вторым по значимости направлением являлся район Кисловодской котловины [Малашев и др., 2020. С. 447–448]. Кроме того, отметим находку навершия меча того же типа из кургана 785 могильника Киевский I на Среднем Тереке [Малашев, 2019. Рис. 1922], который можно отнести ко времени не ранее середины IV в. н.э., но не позднее конца столетия. Добавим, что участие носителей аланской культуры в этом походе может также маркировать присутствие вещей сасанидского круга [Габуев, 2014. Рис. 26–32] на элитарном участке некрополя Брутского городища (аланская культура).

3. В курганном могильнике Львовский Первый-4, находящемся в Прикаспийском Дагестане (Терско-Сулакское междуречье), присутствует небольшая группа погребений с северной ориентировкой в подбоях с нишей в западной стенке [Абрамова, Красильников, Пятых, 2001. Рис. 8;

23]. Погребальный инвентарь не очень выразителен для узких датировок. Тем не менее, форма широкодонных мисок с загнутым внутрь бортиком [Абрамова, Красильников, Пятых, 2001. Рис. 8, 4] ассоциируются с изменениями их морфологии не ранее второй половины IV в. н.э. В одном из подбоев, в заполнении входной ямы у северной стенки находился череп лошади, а в состав инвентаря входил красноглиняный кувшин [Абрамова, Красильников, Пятых, 2001. Рис. 23, 3], который по форме и декору основания горла в виде узких насечек, образующих «елочку», является продукцией Кавказской Албании; обряд захоронения связывает его уже с гуннским временем. Оно сближается с впускным захоронением гуннского времени из Кобийского могильника, находящегося, примерно в 70 км западнее Львовского Первого-4. Особенность обряда – наличие «шкур лошади» (череп и кости ног), лежавшей на щиколотках, и северо-восточная ориентировка погребенного. Датировку комплекса концом IV в. н.э. определяют две обувные пряжки, щитки которых декорированы в технике перегородчатой инкрустации синим стеклом [Мамаев, Нарожный, Ростунов, 2011. С. 108–110. Рис. 2; 3], ассоциирующиеся с ювелирными традициями Сасанидского Ирана. Обрядовые признаки в виде погребений в подбоях и ямах с северной ориентировкой погребенных близки к традициям позднесарматской культуры, за исключением наличия в двух погребениях голов лошадей, которые соотносят данные захоронения с традициями евразийских степей гуннского времени.

4. В прикаспийских могильниках (Тураевский курганный, Тарасовский и др.) в начале эпохи Великого переселения народов фиксируется появление предметов, сделанных в традициях Сасанидского Ирана [Казанский, 2002. С. 195–196; Красноперов, 2012; 2019; Гавритухин, Красноперов, 2022. С. 192; Гавритухин, 2022. С. 307, 313]. Обратим также внимание на находки из Муслумово. Типологически и стилистически ременные гарнитуры (пряжки и наконечники ремней [Гавритухин, 2022. Рис. 11, 1–3, 7–10, 13–18, 25] и фибула [Гавритухин, 2022. Рис. 11, 11]) указывают на связь с Северным Кавказом, преимущественно с его восточными районами; навершия меча [Гавритухин, 2022. Рис. 11, 21]), как уже говорилось, ассоциируются с сасанидскими традициями.

Отдельно остановимся на небольшой группе находок из Дежневского (Уфимского) могильника. Происходящие из его погребений кувшины – двуручный и два одноручных [Васюткин, 1970. Рис. 1; Сунгатов, 1995. Рис. 3, 10, 11] – напрямую ассоциируются с морфологической традицией керамики аланской культуры Северного Кавказа и памятников круга Андрейаульского городища (Терско-Сулакское междуречье)³. Все три сосуда являются

³ Добавим к этому факт массового присутствия в курганном некрополе Андрейаульского городища погребений носителей раннего этапа аланской культуры с территории Среднего Терека, начиная со второй половины III в. н.э. [Малашев, 2026].

лепными подражаниями оригинальных образцов северокавказской посуды, выполненными местными мастерами в собственной технологической традиции. В тесте этих сосудов присутствует шмот, являющийся основным типом отождествителя в местной керамике группы памятников Дербеневский-Салиховский-Ахмеровский II и турбаслинской культуры и не характерный для рецептуры северокавказских центров. Дополнительным аргументом в пользу копирования северокавказских образцов является декорирование наружной поверхности ручек двуручного кувшина удлиненными косыми насечками (с наклоном влево), что находит массовое соответствие в керамической традиции памятников круга Андрейаульского городища в Дагестане, фиксируемое с первых веков н.э. Помимо этого, из погребального инвентаря захоронений Дежневского (Уфимского) могильника происходят несколько зеркал с центральной петелькой [Сунгатов, 1995. Рис. 2, 22; Сунгатов и др., 2024. Рис. 169, 21; 170, 22]. Рельефный орнамент на обратной стороне в виде радиальных линий, заключенных между окружностями, близок зеркалам из памятников северокавказского региона (см. напр.: [Малашев, Гаджиев, Ильюков, 2015. Рис. 202, 1–11]. Зеркала из Дежневского (Уфимского) могильника можно считать репликами оригинальных предметов, привезенных, как и кувшины, населением, оставившим данный курганный могильник. Подобные зеркала получили достаточно широкое распространение в регионе, их находки присутствуют в различных как погребальных, так и поселенческих памятниках. При этом здесь известны даже находки форм для их отливки [Сунгатов и др., 2024. С. 164–165]. Добавим к этому пряжку [Пшеничнюк, 1968. Рис. 3, 5], форма щитка и декор его лицевой стороны, выполненный в технике перегородчатой инкрустации, соответствуют сасанидским традициям [Красноперов, 2012; 2019. С. 124–125]. Отметим также серию стилистически аналогичных этой пряжке находок ремennых гарнитур в северокавказском регионе [Малашев и др., 2015. Рис. 203, 7; Гавритухин, 2022. С. 307, 313. Рис. 12, 17, 25, 31, 33–36, 42; Малашев, 2026. Рис. 7, 3]. Перечисленные предметы отражают начальную фазу контактов населения Предуралья с северокавказским регионом, которые были иницированы походом гуннов в Закавказье и Переднюю Азию 395–398 гг.

Гипотеза об участии групп (отрядов) мазунинского населения в дальних походах, что нашло отражение в памятниках, подобных Тураевским курганам, уже ранее высказывалась в литературе [Красноперов, 2012. С. 222; Гавритухин, Красноперов, 2022. С. 191]. Одним из направлений таких походов, как следует из материала, было Закавказье и Передняя Азия. Конечно, нельзя исключать и иные взаимодействия местного насе-

ления с гуннами в совместных военных действиях, о которых нам ничего не известно [Красноперов, 2022. С. 274].

Вероятно, участие лесостепного населения в гуннских походах не ограничилось единственной кампанией 395–398 гг. Предметы сасанидского и северокавказского происхождения продолжали поступать в регион и в более позднее время. Так, находки фрагментов сосудов северокавказского производства и их местных подражаний, соответствующих оригинальным образцам V–VI вв. н.э., в слоях городища Уфа-II очевидно демонстрируют эти связи [Сунгатов и др., 2024. Рис. 54, 10, 12, 13; 58, 1, 3–6; 59]. Так, крупный поход гуннов в Персию через Кавказ, в котором вполне могли участвовать представители средневекового населения Предуралья, состоялся вскоре после описанного выше – в 421 г. [Фурасев, 2012. С. 451–467].

5. Рассмотренные сюжеты можно представить в контексте следующей модели событий. Исходя из многочисленных соответствий, в первую очередь касающихся предметов воинской экипировки сасанидского круга традиций и их аналогий инвентаря с территории Северного Кавказа, которые дополняются подражаниями северокавказских керамических сосудов и зеркал, можно говорить об участии в военных мероприятиях гуннского времени (более вероятно, в походе 395–398 гг.) населения, оставившего курганные могильники последней четверти IV в. н.э. [Гавритухин, Красноперов, 2022. С. 192; Гавритухин, 2022. С. 312; Красноперов, 2022. С. 272]. В отношении Тураевского и Бродовского курганных некрополей, учитывая сходство погребального обряда с одноименными бескурганскими, есть основания говорить о единстве обеих традиций, связанных общностью происхождения, и формулировать гипотезу возвращения отрядов, участвовавших в составе сборного войска, на исходные территории в Предуралье. Но говорить о прямой интеграции воинских групп, оставивших подкурганные захоронения в Тураевском могильнике, в состав местного населения и заимствование у них иных, помимо курганной насыпи, традиций погребального обряда, не корректно, вследствие хронологического разрыва в четверть века между курганным и грунтовым могильниками [Красноперов, 2022. С. 272].

Судя по имеющейся базе артефактов, войско могло также включать, кроме упомянутого населения Предуралья, небольшую группу «алан-танаитов», населения, оставившего памятники аланской культуры Северного Кавказа и памятники типа Львовские – Паласа-Сырт. В результате непосредственных контактов с перечисленными носителями культур, практиковавших обряд подкурганных захоронений, могло произойти заимствование погребальной традиции, распространенной и у населения степи, и Северного Кавказа. Наличие кур-

ганной насыпи для оформления захоронения населением, оставившем Тураевский и Бродовский могильники, могло рассматриваться как престижный атрибут обряда с последующим сохранением и переносом на исходную к моменту похода территории, используя в качестве социально дифференцирующего признака. Добавим, что контакты «алан-танаитов» с населением, оставившим Тураевский курганный могильник, могут отражать находки в его комплексах пряжек с калачевидной рамкой и стеклянный кубок, украшенный налестками синего стекла [Гавритухин, Красноперов, 2022. С. 188, 189].

Заключение

Подводя итоги анализа участия позднесарматского населения в генезисе культур лесостепной и лесной зонах Южного и Среднего Предуралья, обозначим ряд выводов.

1) Финал позднесарматской культуры, как целостного явления, в степях Южного Урала и Нижнего Поволжья относится ко времени до рубежа III/IV вв. н.э.; к IV в. н.э. можно отнести единичные комплексы, находящиеся в Нижнем Поволжье. Процесс уменьшения количества погребений позднесарматской культуры фиксируется уже после середины III в. н.э.

2) С этим синхронизируется появление носителей позднесарматской культуры в лесостепном Предуралье, на правом берегу Белой, получившее отражение в материалах Дербеневского, Салиховского, Ахмеровского II и Нижнеарметовского могильников. Верхняя хронологическая граница этих памятников в отдельных комплексах определяется не позднее раннего IV в. н.э.

3) Одной из основных причин оставления степной зоны кочевниками во второй половине III в. н.э. стали природно-климатические изменения, связанные с увеличением увлажненности климата и сопровождающих его комплексом факторов, негативно влияющих на возможность кочевого скотоводства. Появление позднесарматского населения в лесостепной зоне могло быть вызвано попыткой смены хозяйственной модели на использование горных долин в качестве пастбищ и защиты без необходимости выхода в степные пространства, по крайней мере, в зимний сезон.

4) Прекращение функционирования могильников круга Дербеневский-Салиховский-Ахмеровский II близко по времени оттоку кочевников

из степных районов Южного Приуралья. Население, оставившее указанные могильники, могло как ассимилироваться в среде местного оседлого населения, так и откочевать в более южные районы, наиболее вероятный из которых – Приаралье. При этом один сценарий не исключает другой.

5) Следующий этап появления курганных могильников в Южном и Среднем Предуралье связан уже с началом гуннского времени (не ранее последней четверти IV в. н.э.). То есть, фиксируется выраженный хронологический разрыв в использовании курганного обряда погребения, насчитывающий не менее полувека и на сегодняшний день не заполненный материалом. При этом с традициями позднесарматской культуры можно связать только погребения Дежнёвского курганного могильника турбаслинской культуры. Появление в лесостепной зоне Предуралья «турбаслинцев», имеющих близкие позднесарматским погребальные традиции, может объясняться возвращением кочевников позднесарматского происхождения на исходную территорию в процессе движения гуннской орды на запад.

6) Появление в лесостепной и лесной зонах Южного и Среднего Предуралья курганных могильников, таких как Тураевский, Бродовский, Кудашевский, не связано с проникновением сюда позднесарматских кочевых групп. Появление здесь воинских могильников с подкурганым обрядом захоронения синхронно по времени и укладывается в последнюю четверть IV в. н.э. Оно связано с возвращением на исходную территорию местных групп (отрядов) лесостепного и лесного населения, принявшего участие в военных походах под предводительством гуннов. Вероятно, состав участников похода был поликультурным. Предуральские воинские отряды заимствовали у других участников такие социально значимые для них элементы погребальной обрядности, как создание курганов, и воспроизвели их на родине после возвращения. В качестве аргумента выступают и вещи иранского происхождения, принесенные как трофеи. В этих же походах принимали участие и кочевники, ставшие основой в сложении турбаслинской культуры (Дежнёвский курганный могильник), что отразилось в появлении в этих памятниках вещей и их реплик, связанных происхождением с Северным Кавказом.

ИСТОЧНИКИ

Малашев В.Ю., 2019. *Отчет об охранно-спасательных исследованиях курганных могильников «Октябрьский I» и «Киевский I» в зоне строительства магистрального газопровода «Моздок-Грозный» в Моздокском районе Республики Северная Осетия-Алания в 2019 г. (Открытые листы № 2739, 2740).* (Архив ИА РАН, Р-1. №№ 69231–69240)

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Абрамова М.П., Красильников К.И., Пятых Г.Г., 2001. *Курганы Нижнего Сулака: могильник Львовский Первый*—4. М.: ИА РАН, 151 с.
- Археология Волго-Уралья, 2022. *Археология Волго-Уралья, т. 4. Эпоха Великого переселения народов*. Казань: АН РТ, 700 с. <https://doi.org/10.24852/978-5-9690-0951-6.2022.4>
- Боталов С.Г., Гуцалов С.Ю., 2000. *Гунно-сарматы урало-казахстанских степей*. Челябинск: Рифей, 265 с.
- Васюткин С.М., 1970. Раскопки курганов в г. Уфе и изучение истории турбаслинских племен, *Ученые записки. Серия исторических наук*, № 12, вып. 54, с. 163–182.
- Васюткин С.М., 1977. Пахмеровский курганный могильник позднесарматского времени, *Исследования по археологии Южного Урала*. Уфа: БФАН СССР, с. 67–89.
- Васюткин С.М., 1986. Салиховский курганный могильник конца IV–V в. в Башкирии, *Советская археология*, № 2, с. 180–197.
- Габуев Т.А., 2014. *Аланские княжеские курганы V в. н.э. у села Брут в Северной Осетии*. Владикавказ: ИИА РСО-Алания, ГМВ, 68 с.
- Гавритухин И.О., 2022. Хронология и динамика культур в конце позднесарматского времени и начале эпохи великого переселения народов, *Археология Волго-Уралья, т. 4. Эпоха Великого переселения народов*. Казань: АН РТ, с. 272–316. <https://doi.org/10.24852/978-5-9690-0951-6.2022.4>
- Гавритухин И.О., 2024. Пояса типа Суворово (к изучению волго-уральской военизированной элиты IV в. н.э.), *Stratum plus*, № 4, с. 201–240. <https://doi.org/10.55086/sp244201240>
- Гавритухин И.О., Красноперов А.А., 2022. Тураевский курганный могильник, *Археология Волго-Уралья, т. 4. Эпоха Великого переселения народов*. Казань: АН РТ, с. 175–192. <https://doi.org/10.24852/978-5-9690-0951-6.2022.4>
- Генинг В.Ф., 1953. Бродовский могильник, *КСИИМК*, вып. 52, с. 87–98.
- Генинг В.Ф., 1976. Тураевский могильник V в. н.э. (захоронения военачальников), *Из археологии Волго-Камья*. Казань: ИЯЛИ КФАН СССР, с. 55–108.
- Голдина Р.Д., 1986. Исследования курганной части Бродовского могильника, *Приуралье в древности и средние века*. Устинов: УдмГУ, с. 47–98.
- Голдина Р.Д., 2025. *Великое переселение народов в Приуралье (по материалам археологии)*. Ижевск: Удмуртский университет, 192 с. (Материалы и исследования Камско-Вятской археологической экспедиции. Т. 33)
- Голдина Р.Д., Бернц В.А., 2010. *Тураевский I могильник – уникальный памятник эпохи великого переселения народов в Среднем Прикамье (бескурганная часть)*. Ижевск: Удмуртский университет, 499 с. (Материалы и исследования Камско-Вятской археологической экспедиции. Т. 17)
- Голдина Р.Д., Водолаго Н.В., 1990. *Могильники неволинской культуры в Приуралье*. Иркутск: ИГУ, 176 с.
- Демкин В.А., Скрипкин А.С., Ельцов М.В., Золотарева Б.Н., Демкина Т.С., Хомутова Т.Э., Кузнецова Т.В., Удальцов С.Н., Каширская Н.Н., Плеханова Л.Н., 2012. *Природная среда волго-уральских степей в савромато-сарматскую эпоху (VI в. до н.э. – IV в. н.э.)*. Пушино: ИФХиБПП РАН, 216 с.
- Иванов В.А., 2026. Отражение и отображение эпохи Великого переселения народов в археологических культурах Урало-Поволжья, *Южный Урал в эпоху раннего железа и Великого переселения народов: связи и взаимоотношения культур. Материалы Всеросс. науч. конф. с междунар. участием, посвящ. 90-летию со дня рождения А.Х. Пшеничного*. Уфа: ИИЯЛ УФИЦ РАН, с. 84–91. (Археология и этнография Башкортостана. Т. VIII)
- Казаков Е.П., 2018. К проблеме характеристики средневековых культур Урало-Поволжья, *Археология евразийских степей*, № 6, с. 116–126.
- Казаков Е.П., 2021. Волго-Камье в эпоху тюркских каганатов. Книга первая. Коминтерновский II могильник. *Археология евразийских степей*, вып. 26, Казань: Фэн, 148 с.
- Казанский М.М., 2002. Пряжки раннесасанидской традиции в Северной Евразии, *Первобытная археология. Человек и искусство: Сб. науч. трудов, посвящ. 70-летию со дня рождения Якова Абрамовича Шера*. Новосибирск: ИАЭ СО РАН, с. 193–197.
- Колонских А.Г., 2024. *Поселения бахмутинской культуры в Уфимско-Бельском междуречье*. Дисс. ... канд. ист. наук. Уфа, 344 с.
- Коробов Д.С., Малашев В.Ю., 2015. Новые комплексы аланской культуры эпохи Великого переселения народов из окрестностей Кисловодска, *КСИА*, вып. 241, с. 214–229.
- Красноперов А.А., 2012. Полихромные предметы с перегородчатой инкрустацией в Прикамье («догуннский» стиль перегородчатых инкрустаций), *Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпохи римских влияний и Великого переселения народов. Конф. 3*. Тула: ГМЗ Куликово поле, с. 218–254.
- Красноперов А.А., 2019. Пряжка из Бродовского могильника (Прикамье) в контексте полихромных стилей, *Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпохи римских влияний и Великого переселения народов. Конф. 4, ч. 2*. Тула: ГМЗ Куликово поле, с. 103–190.
- Красноперов А.А., Бахшиев И.И., 2019. Материалы Нижнеарметовского могильника позднесарматского времени из музейных собраний Башкирии, *Томский журнал лингвистических и антропологических исследований*, вып. 3 (25), с. 104–115. <https://doi.org/10.23951/2307-6119-2019-3-25-104-115>

- Кривошеев М.В., 2017. Восточные традиции и инновации в сарматских памятниках второй половины II–IV в. н.э., *Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения*, т. 22, № 4, с. 17–27. <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2017.4.2>
- Кривошеев М.В., Борисов А.В., 2019. Климатический оптимум как фактор кризиса экономики степных номадов в IV в. н.э., *Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения*, т. 24, № 3, с. 47–57. <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2019.3.4>
- Кривошеев М.В., Борисов А.В., 2023. Палеоэкологические условия финала сарматской эпохи и их влияния на общества скотоводов и земледельцев Восточной Европы и Западной Сибири, *Нижеволжский археологический вестник*, т. 22, № 2, с. 112–125. <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2023.2.6>
- Кривошеев М.В., Борисов А.В., 2026. Волго-Уральский регион в финале раннего железного века: историко-культурные и палеоэкологические реконструкции, *Stratum plus*, № 4, с. 249–264. <https://doi.org/10.55086/sp264249264>
- Кривошеев М.В., Лукпанова Я.А., 2015. Позднесарматское элитное воинское погребение из Южного Приуралья, *Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения*, № 5 (35), с. 98–111. <http://dx.doi.org/10.15688/jvolsu4.2015.5.10>
- Кривошеев М.В., Малашев В.Ю., 2025. Комплексы финала позднесарматского времени в Нижнем Поволжье, *Нижеволжский археологический вестник*, т. 24, № 4, с. 174–186. <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2025.4.7>
- Кривошеев М.В., Малашев В.Ю., 2026. Носители позднесарматского культурного комплекса в лесостепных и прилегающих степных районах Южного Урала во второй половине III в. н.э., *Южный Урал в эпоху раннего железа и Великого переселения народов: связи и взаимоотношения культур. Материалы Всеросс. науч. конф. с междунар. участием, посвящ. 90-летию со дня рождения А.Х. Пишеничнюка*. Уфа: ИИЯЛ УФИЦ РАН, с. 104–107. (Археология и этнография Башкортостана. Т. VIII)
- Левина Л.М., 1996. *Этнокультурная история Восточного Приаралья. Итысячелетие до н.э. – Итысячелетие н.э.* М.: Восточная литература, 396 с.
- Любчанский И.Э., 2006. Этнокультурная реконструкция происхождения носителей традиций турбаслинского керамического комплекса, *Южный Урал и сопредельные территории в скифо-сарматское время: Сб. статей к 70-летию Анатолия Харитоновича Пишеничнюка*. Уфа: Гилем, с. 226–234.
- Малашев В.Ю., 2009. Позднесарматская культура: верхняя хронологическая граница, *Российская археология*, № 1, с. 47–52.
- Малашев В.Ю., 2013. *Позднесарматская культура Южного Приуралья во II–III вв. н.э.* Дисс. на соиск. ... канд. истор. наук. М., 301 с.
- Малашев В.Ю., 2014. Некоторые аспекты контактов носителей позднесарматской культуры южноуральских степей с населением лесной и лесостепной полосы Поволжья и Приуралья, *Уфимский археологический вестник*, вып. 14, с. 130–140.
- Малашев В.Ю., 2024. Анализ и эволюция конструкции катакомб аланской культуры на Среднем Тереке III – первой половины/середины V вв. н.э., *История, археология и этнография Кавказа*, т. 20, № 3, с. 634–650. <https://doi.org/10.32653/CH203634-650>
- Малашев В.Ю., 2026. К хронологии и культурной атрибуции курганного некрополя Андреяульско-го городища, *Сборник к 80-летию Б.А. Раева*. (в печати)
- Малашев В.Ю., Гаджиев М.С., Ильюков Л.С., 2015. *Страна маскутов в Западном Прикаспии. Курганные могильники Прикаспийского Дагестана III–V вв. н.э.* Махачкала: Мавраевъ, 452 с.
- Малашев В.Ю., Магомедов Р.Г., Дзуцев Ф.С., Мамаев Х.М., Кадзаева З.П., 2020. Охранно-спасательные исследования могильников раннего этапа аланской культуры на Среднем Тереке Октябрьский I и Киевский I в Моздокском районе Республики Северная Осетия-Алания в 2019 г., *История, археология и этнография Кавказа*, т. 16, № 2, с. 439–460. <https://doi.org/10.32653/CH162439-460>
- Малашев В.Ю., Кривошеев М.В., 2022. Позднесарматские памятники Волго-Уралья, *Археология Волго-Уралья*, т. 4. *Эпоха Великого переселения народов*. Казань: АН РТ, с. 18–37. <https://doi.org/10.24852/978-5-9690-0951-6.2022.4>
- Малашев В.Ю., Кривошеев М.В., 2023. Катакомбные памятники степного Волго-Донья и Предкавказья середины III–IV вв., *Региональные особенности хронологии и периодизации савроматской и сарматских культур: Материалы XI всеросс. науч. конф. с междунар. участием «Проблемы сарматской археологии и истории», посвящ. памяти А.С. Скрипкина, 15–19 мая 2023 г., Волгоград*. Волгоград: ВолГУ, с. 265–281.
- Малашев В.Ю., Кривошеев М.В., 2024. К атрибуции некоторых групп катакомбных памятников юга Восточной Европы второй половины III – начала V века, *Нижеволжский археологический вестник*, т. 23, № 3, с. 52–78. <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2024.3.4>
- Мамаев Х.М., Нарожный Е.И., Ростунов Е.В., 2011. «Гуннское» погребение из Коби (Шелковской район Чеченской Республики), *Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа*. Вып. 12. Армавир: ЦАИ АГПУ, с. 108–114.
- Мошкова М.Г., 1989. Позднесарматская культура, *Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время*, М.: Наука, с. 191–202. (Археология СССР)

Мухаметдинов В.И., Фазрахманова А.К., 2013. К проблеме выделения культурных горизонтов на городище Уфа-II (по данным анализа распределения в слое бахмутинской керамики), *Урал и просторы Евразии сквозь века и тысячелетия: науч. публикации, посвящ. 80-летию юбилею Н.А. Мажитова*. Уфа: БашГУ, с. 61–70.

Пастушенко И.Ю., 2009. Этнокультурная ситуация в Прикамье в середине I тыс. н.э., *Материалы и исследования по археологии Восточной Европы*. Казань: Школа, с. 112–118.

Перескоков М.Л., 2018. *Пермское Приуралье в финале раннего железного века*. Пермь: PermUniversityPress, 320 с.

Пшеничнюк А.Х., 1968. Уфимский курганный могильник, *Археология и этнография Башкирии*, т. III, Уфа: БФАН СССР, с. 105–112.

Пшеничнюк А.Х., 1992. Дербеневский курганный могильник позднесарматского времени в Западном Приуралье, *Проблемы хронологии сарматской культуры*. Саратов: СГУ, с. 67–84.

Русланов Е.В., Шамсутдинов М.Р., Романов А.А., 2016. *Раннесредневековые древности Уфимского полуострова. Городище Уфа-II. Материалы археологических раскопок 2015 года*. Уфа: Древняя Уфа, 266 с.

Савельев Н.С., 2025. Имендьяшевские древности лесостепи Южного Приуралья: культурная атрибуция, хозяйственная специфика, внешние связи, *Поволжская археология*, № 3 (53), с. 191–206. <https://doi.org/10.24852/pa2025.3.53.191.206>

Савельев Н.С., Русланов Е.В., 2026. Поселение с позднесарматским керамическим комплексом у горы Туратау в предгорной лесостепи Южного Урала, *Южный Урал в эпоху раннего железа и Великого переселения народов: связи и взаимоотношения культур. Материалы Всеросс. науч. конф. с междунар. участием, посвящ. 90-летию со дня рождения А.Х. Пшеничнюка*. Уфа: ИИЯЛ УФИЦ РАН, с. 108–111.

Скрипкин А.С., 1984. *Нижнее Поволжье в первые века нашей эры*. Саратов: СГУ, 150 с.

Скрипкин А.С., 2011. Проблема происхождения позднесарматской культуры, *Нижеволжский археологический вестник*, вып. 12, с. 183–196.

Стащенко Д.В., 2022. Гуннская эпоха в Самарском Поволжье, *Археология Волго-Уралья*, т. 4. *Эпоха Великого переселения народов*. Казань: АН РТ, с. 318–333. <https://doi.org/10.24852/978-5-9690-0951-6.2022.4>

Сунгатов Ф.А., 1995. Погребальные комплексы Дежнёвского и Ново-Турбаслинского могильников (по материалам раскопок 1989–1992 гг.), *Курганы кочевников Южного Урала*. Уфа: Гилем, с. 118–137.

Сунгатов Ф.А., 1998. *Турбаслинская культура (по материалам погребальных памятников V–VIII вв. н.э.)*. Уфа: Гилем, 169 с.

Сунгатов Ф.А., Гарустович Г.И., Юсупов Р.М., 2004. *Приуралье в эпоху великого переселения народов (Старо-Муштинский курганно-грунтовый могильник)*. Уфа: Уфимский полиграфкомбинат, 95 с.

Сунгатов Ф.А., Султанова А.Н., Аминев З.Г., Кызласов И.Л., Бахшиева А.К., Мухаметдинов В.И., Русланова Р.Р., Русланов Е.В., Сатаев Р.М., Куфтерин В.В., Шамсутдинов М.Р., 2024. *К проблеме городов Южного Урала эпохи Средневековья*. Уфа: Самрау-Медиа, 386 с.

Фурасьев А.Г., 2012. Персидский поход гуннов в начале V в. по данным Приска Панийского, *Золото, конь и человек: Сб. статей к 60-летию А.В. Симоненко*. Киев: КНТ, с. 449–462.

Шмуратко Д.В., 2012. *Курганные могильники харинского типа в Верхнем Прикамье в контексте культурно-исторических процессов эпохи Великого переселения народов (статистический анализ погребальных комплексов)*. Дисс. на соиск. ... канд. истор. наук. Казань, 232 с.

Orlova E., Batalova V., Schlütz F., Pereskokov M., Shumilovskikh L., 2025. Archaeobotanical and isotope studies evidence crop cultivation already during the Early Iron Age in the boreal forests of the cis-Urals (Kama river basin), *Vegetation History and Archaeobotany*, vol. 35, pp. 287–312. <https://doi.org/10.1007/s00334-025-01053-8>

REFERENCES

Abramova, M.P., Krasilnikov, K.I., Pyatykh, G.G., 2001, *Lower Sulak's kurgans: Lvovskiy Pervyy–4 kurgan cemetery*. IA RAN, Moscow, 151 p. (In Russ.)

Archaeology of the Volga-Urals, 2022, *Archaeology of the Volga-Urals*, vol. 4. *The Great Migration Period*. AN RT, Kazan, 700 p. (In Russ.) <https://doi.org/10.24852/978-5-9690-0951-6.2022.4>

Botalov, S.G., Gutsalov, S. Yu., 2000, *Hun-Sarmatians of the Ural-Kazakhstan steppes*. Rifei, Chelyabinsk, 265 p. (In Russ.)

Vasyutkin, S.M., 1970, “Excavations of kurgans in Ufa and the study of the history of the Turbasli tribes”, *Scientific notes, Historical science series*, no. 12, iss. 54, pp. 163–182. (In Russ.)

Vasyutkin, S.M., 1977, “II Akhmerovskiy kurgan cemetery of the Late Sarmatian period”, *Research on the archaeology of the Southern Urals*, BFAN SSSR, Ufa, pp. 67–89. (In Russ.)

Vasyutkin, S.M., 1986, “The Salikhovo Burial Mound of the Late 4th - 5th Centuries in Bashkiria”, *Sovetskaya arkheologiya*, no. 2, pp. 180–197. (In Russ.)

Gabuev, T.A., 2014, *Alan princely mounds of the 5th century AD near the village of Brut in North Ossetia*. IIA RSO-Alaniya, GMV, Vladikavkaz, 68 p. (In Russ.)

- Gavritukhin, I.O., 2022, “Chronology and Dynamics of Cultures at the End of the Late Sarmatian Period and the Beginning of the Great Migration Period”, *Archaeology of the Volga-Urals*, vol. 4. *The Great Migration Period*, AN RT, Kazan, pp. 272–316. (In Russ.) <https://doi.org/10.24852/978-5-9690-0951-6.2022.4>
- Gavritukhin, I.O., 2024, “Suvorovo Type Belts (for the study of the Volga-Ural paramilitary elite of the 4th century AD)”, *Stratum plus*, no. 4, pp. 201–240. (In Russ.) <https://doi.org/10.55086/sp244201240>
- Gavritukhin, I.O., Krasnoperov, A.A., 2022, “Turaevsky kurgan cemetery”, *Archaeology of the Volga-Urals*, vol. 4. *The Great Migration Period*. AN RT, Kazan, pp. 175–192. (In Russ.) <https://doi.org/10.24852/978-5-9690-0951-6.2022.4>
- Gening, V.F., 1953, “Brodovskiy kurgan cemetery”, *KSIMK*, iss. 52, pp. 87–98. (In Russ.)
- Gening, V.F., 1976, “Turaevo kurgan cemetery in the 5th century AD (burial of military leaders)”, *From the archeology of the Volga-Kama region*, IYALI KFAN USSR, Kazan, pp. 55–108. (In Russ.)
- Goldina, R.D., 1986, “Research of the kurgan part of the Brody burial ground”, *The Urals region in ancient times and the Middle Ages*. UdmGU, Ustinov, pp. 47–98. (In Russ.)
- Goldina, R.D., 2025, *The Great Migration of Peoples in the Urals (Based on Archaeological Materials)*. Udmurtskij universitet, Izhevsk, 192 p. (Materials and Research of the Kama-Vyatka Archaeological Expedition, vol. 33). (In Russ.)
- Goldina, R.D., Berns, V.A., 2010, *Turaevsky I Burial Ground – Unique Monument during Great Migration of Peoples in Middle Kama Region (non-burial part)*. Udmurtskij universitet, Izhevsk, 499 p. (In Russ.)
- Goldina, R.D., Vodolago, N.V., 1990, *Burial Grounds of the Nevolino Culture in the Cis-Urals*. IGU, Irkutsk, 176 p. (In Russ.)
- Demkin, V.A., Skripkin, A.S., Eltsov, M.V., Zolotareva, B.N., Demkina, T.S., Khomutova, T.E., Kuznetsova, T.V., Udaltsev, S.N., Kashirskaya, N.N., Plekhanova, L.N., 2012, *Natural environment of the Volga-Ural steppes during savromatian-sarmatian epoch (VI c. BC – IV c. AD)*. IFHiBPP RAN, Pushchino, 216 p. (In Russ.)
- Ivanov, V.A., 2026, “Reflection and display of the Great Migration Period in the archaeological cultures of the Ural-Volga region”, *The Southern Urals during the Early Iron Age and the Great Migration Period: connections and interrelations between cultures. Proceedings of the All-Russian scientific conference with international participation, dedicated to the 90th anniversary of the birth of A.Kh. Pshenichnyuk*. IYAL UFIC RAN, Ufa, pp. 84–91. (In Russ.)
- Kazakov, E.P., 2018, “The Issue of Characterization of Medieval Cultures in the Ural-Volga Region”, *Archaeology of the Eurasian Steppes*, no. 6, pp. 116–126. (In Russ.)
- Kazakov, E.P., 2021, “The Volga-Kama in the Period of Turkic Khaganates. Book One. Kominternovskiy II burial ground”, *Archaeology of the Eurasian Steppes*, iss. 26, Fen, Kazan, 148 p. (In Russ.)
- Kazanskiy, M.M., 2002, “Buckles of the Early Sasanian tradition in Northern Eurasia”, *Prehistoric archaeology. Man and art. A collection of scientific papers to the 70th anniversary of the birth of Y.A. Sher*, IAE SO RAN, Novosibirsk, pp. 193–197. (In Russ.)
- Kolonskikh, A.G., 2024, *The Bakhmutino Culture Settlements in the Ufa-Belsky Interfluvium*. Dissertation... Candidate of Historical Sciences. Ufa, 344 p. (In Russ.)
- Korobov, D.S., Malashev, V.Yu., 2015, “New assemblages of the Alan culture from the Migration period near Kislovodsk”, *KSIA*, iss. 241, pp. 214–229. (In Russ.)
- Krasnoperov, A.A., 2012, “Polychrome objects with cloisonné inlays in the Kama region (“pre-Hunnic” style of cloisonné inlays)”, *Forest and forest-steppe zones of Eastern Europe during the era of Roman influences and the Migration period. Conference 3*, GMZ Kulikovo pole, Tula, pp. 218–254. (In Russ.)
- Krasnoperov, A.A., 2019, “Buckle from Brodovsky necropolis (Kama region) in the context of polychrome styles”, *Forest and foreststeppe zones of Eastern Europe during the era of Roman influences and the Migration period. Conference 4. Part 2*, GMZ Kulikovo pole, Tula, pp. 103–190. (In Russ.)
- Krasnoperov, A.A., Bakhshiev, I.I., 2019, “Materials of the Nizhnearmetovskiy cemetery of the Late Sarmatian period from Bashkir Museum collections”, *Tomsk Journal of Linguistics and Anthropology*, iss. 3 (25), pp. 104–115. (In Russ.) <https://doi.org/10.23951/2307-6119-2019-3-25-104-115>
- Krivosheev, M.V., 2017, “Eastern Traditions and Innovations in Sarmatian Monuments of Second Half of the 2nd – 4th cc. AD”, *Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations*, vol. 22, no. 4, pp. 17–27. (In Russ.) <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2017.4.2>
- Krivosheev, M.V., Borisov, A.V., 2019, “Climatic Optimum as a Factor of the Economic Crisis of Steppe Nomads in the 4th Century AD”, *Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations*, vol. 24, no. 3, pp. 47–57. (In Russ.) <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2019.3.4>
- Krivosheev, M.V., Borisov, A.V., 2023, “Paleoecological Conditions at the End of the Sarmatian Period and Their Impact on Herder and Farmer Communities from Eastern Europe and Western Siberia”, *The Lower Volga Archaeological Bulletin*, vol. 22, no. 2, pp. 112–125. (In Russ.) <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2023.2.6>
- Krivosheev, M.V., Borisov, A.V., 2026, “The Volga-Ural Region at the End of the Early Iron Age: Historical, Cultural, and Paleoecological Reconstructions”, *Stratum plus*, no. 4, pp. 249–264. (In Russ.) <https://doi.org/10.55086/sp264249264>
- Krivosheev, M.V., Lukpanova, Ya.A., 2015, “Late Sarmatian Elite Military Burial from the Southern Urals”, *Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations*, no. 5 (35), pp. 98–111. (In Russ.) <http://dx.doi.org/10.15688/jvolsu4.2015.5.10>

Krivosheev, M.V., Malashev, V.Yu., 2025, "Complexes of the Final of the Late Sarmatian Period in the Lower Volga Region", *The Lower Volga Archaeological Bulletin*, vol. 24, no. 4, pp. 174–186. (In Russ.) <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2025.4.7>

Krivosheev, M.V., Malashev, V.Yu., 2026, "Carriers of the late Sarmatian cultural complex in the forest-steppe and adjacent steppe regions of the Southern Urals in the second half of the 3rd century AD", *The Southern Urals during the Early Iron Age and the Great Migration Period: connections and interrelations between cultures. Proceedings of the All-Russian scientific conference with international participation, dedicated to the 90th anniversary of the birth of A.Kh. Pshenichnyuk*, IYal UFIC RAN, Ufa, pp. 104–107. (In Russ.)

Levina, L.M., 1996, *Ethnocultural history of the Eastern Aral Sea region. Imillennium BC – Imillennium AD*. Vostochnaya literatura, Moscow, 396 p. (In Russ.)

Lyubchanskiy, I.E., 2006, "Ethnocultural reconstruction of the origin of the bearers of the traditions of the Turbasli ceramic complex", *The Southern Urals and adjacent territories in the Scythian-Sarmatian period: A collection of articles dedicated to the 70th anniversary of Anatoly Kharitonovich Pshenichnyuk*, Gilem, Ufa, pp. 226–234. (In Russ.)

Malashev, V.Yu., 2009, "Late Sarmatian culture: upper chronological boundary", *Russian archaeology*, no. 1, pp. 47–52. (In Russ.)

Malashev, V.Yu., 2013, *Late Sarmatian culture of the Southern Urals in the 2nd–3rd centuries AD*, Dissertation... Candidate of Historical Sciences. Moscow, 301 p. (In Russ.)

Malashev, V.Yu., 2014, "Some aspects of contacts of bearers of Late Sarmatian culture of the South Urals steppes with the population of the wood and forest-steppe belt of the Volga region and the Cis-Ural", *Ufa Archaeological Herald*, iss. 14, pp. 130–140. (In Russ.)

Malashev, V.Yu., 2024, "Analysis and evolution of the catacomb structure of the alanian culture on the middle terek from the 3rd to the mid-5th century AD", *History, Archeology and Ethnography of the Caucasus*, vol. 20, no. 3, pp. 634–650. (In Russ.) <https://doi.org/10.32653/CH203634-650>

Malashev, V.Yu., 2026, "On the chronology and cultural attribution of the burial mound necropolis of the Andreiaul settlement", *Collection for the 80th anniversary of B.A. Raev*. (in print) (In Russ.)

Malashev, V.Yu., Gadzhiev, M.S., Ilyukov, L.S., 2015, *Mascoutis Country in the Western Caspian Region. Burial Mounds of the Caspian Dagestan in the 3rd–5th Centuries BC*. Mavraev, Makhachkala, 452 p. (In Russ.)

Malashev, V.Yu., Magomedov, R.G., Dzutsev, F.S., Mamaev, Kh.M., Kadzaeva, Z.P., 2020, "Secure-and-Preserve Research of the Oktyabrskiy I And Kievskiy I Burial Grounds of Early Alanian Culture at the Middle Terek In Mozdok District of the Republic of North Ossetia-Alania In 2019", *History, Archeology and Ethnography of the Caucasus*, vol. 16, no. 2, pp. 439–460. (In Russ.) <https://doi.org/10.32653/CH162439-460>

Malashev, V.Yu., Krivosheev, M.V., 2022, "Late Sarmatian monuments of the Volga-Ural region", *Archaeology of the Volga-Urals*, vol. 4. *The Great Migration Period*. AN RT, Kazan, pp. 18–37. (In Russ.) <https://doi.org/10.24852/978-5-9690-0951-6.2022.4>

Malashev, V.Yu., Krivosheev, M.V., 2023, "Catacomb Burials of the Volga-Don Steppe and the Fore-Caucasus in the Middle of the 3rd – 4th Centuries", *Chronology and Periodization of the Sauromat and Sarmatian Cultures: Regional Features: Proceedings of the 11th All-Russian Scientific Conference with International Participation "Problems of Sarmatian Archeology and History" Dedicated to the Memory of Prof. Anatoly S. Skripkin, May 15–19, 2023, Volgograd*, VolGU, Volgograd, pp. 265–281. (In Russ.)

Malashev, V.Yu., Krivosheev, M.V., 2024, "Revisiting the Issue of Attribution of Some Catacomb Monuments Groups from the South of Eastern Europe in the Late 3rd – early 5th Centuries", *The Lower Volga Archaeological Bulletin*, vol. 23, no. 3, pp. 52–78. (In Russ.) <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2024.3.4>

Mamaev, Kh.M., Narozhnyy, E.I., Rostunov, E.V., 2011, "Hunnish" burial from Kobi (Shelkovskoy district of the Chechen Republic), Materials and research on the archeology of the North Caucasus", *Materials and Research on the Archaeology of the North Caucasus*, iss. 12, CAI AGPU, Armavir, pp. 108–114. (In Russ.)

Moshkova, M.G., 1989, "Late Sarmatian culture", *Steppes of the European Part of the USSR in Scythian-Sarmatian Time*, Nauka, Moscow, pp. 191–202. (Archeology of the USSR) (In Russ.)

Mukhametdinov, V.I., Fazrakhmanova, A.K., 2013, "On the problem of identifying cultural horizons at the Ufa-II settlement (based on the analysis of distribution in the Bakhmutino ceramics layer)", *The Urals and the expanses of Eurasia through centuries and millennia: scientific publications dedicated to the 80th anniversary of N.A. Mazhitov*, BashGU, Ufa, pp. 61–70. (In Russ.)

Pastushenko, I.Yu., 2009, "Ethnocultural situation in the Kama region in the middle of the 1st millennium AD", *Materials and research on the archeology of Eastern Europe*, Shkola, Kazan, pp. 112–118. (In Russ.)

Pereskokov, M.L., 2018. *The Perm Cis-Urals in the Final Stage of the Early Iron Age*. Perm University-Press, Perm, 320 p.

Pshenichnyuk, A.Kh., 1968, "Ufimskiy kurgan cemetery", *Archaeology and ethnography of Bashkiria*, vol. III, BFAN USSR, Ufa, pp. 105–112. (In Russ.)

Pshenichnyuk, A.Kh., 1992, "Derbenevskiy kurgan cemetery of Late Sarmatian period in the Western Urals", *Problems of the chronology of the Sarmatian culture*, SGU, Saratov, pp. 67–84. (In Russ.)

Ruslanov, E.V., Shamsutdinov, M.R., Romanov, A.A., 2016, *Early medieval antiquities of the Ufa Peninsula. Settlement Ufa-II. Materials from archaeological excavations in 2015*. Drevnyaya Ufa, Ufa, 266 p. (In Russ.)

- Savelev, N.S., 2025, "Imendyashevo Antiquities from the Southern Ural Forest-Steppe: Cultural Attribution, Economic Specifics, External Links", *The Volga River Region Archaeology*, no. 3 (53), pp. 191–206. (In Russ.) <https://doi.org/10.24852/pa2025.3.53.191.206>
- Savelev, N.S., Ruslanov, E.V., 2026, "A settlement with a late Sarmatian ceramic complex near Mount Turatau in the foothill forest-steppe of the Southern Urals", *The Southern Urals during the Early Iron Age and the Great Migration Period: connections and interrelations between cultures. Proceedings of the All-Russian scientific conference with international participation, dedicated to the 90th anniversary of the birth of A.Kh. Pshenichnyuk*, IYal UFIC RAN, Ufa, pp. 108–111. (In Russ.)
- Skripkin, A.S., 1984, *Lower Volga region in the first centuries of our era*. SarGU, Saratov, 150 p. (In Russ.)
- Skripkin, A.S., 2011, "The Problem of the Origin of the Late Sarmatian Culture", *The Lower Volga Archaeological Bulletin*, iss. 12, pp. 183–196. (In Russ.)
- Stashenkov, D.V., 2022, "The Hunnic era in the Samara Volga region", *Archaeology of the Volga-Urals*, vol. 4. *The Great Migration Period*, AN RT, Kazan, pp. 318–333. (In Russ.) <https://doi.org/10.24852/978-5-9690-0951-6.2022.4>
- Sungatov, F.A., 1995, Burial complexes of the Dezhnevsky and Novo-Turbaslinsky necropolis (based on the materials of excavations in 1989–1992), *Kurgans of nomads of the Southern Urals*, Gilem, Ufa, pp. 118–137. (In Russ.)
- Sungatov, F.A., 1998, *The Turbasly culture (based on the assemblages from the burials of the 5th – 8th centuries AD)*. Gilem, Ufa, 169 p. (In Russ.)
- Sungatov, F.A., Garustovich, G.N., Yusupov, R.M., 2004, *Urals during Great Migration of Peoples (Staro-Mushtinskiy burial mound)*. Ufimskiy poligrafkombinat, Ufa, 172 p. (In Russ.)
- Sungatov, F.A., Sultanova, A.N., Aminev, Z.G., Kyzlasov, I.L., Bakhshieva, A.K., Mukhametdinov, V.I., Ruslanova, R.R., Ruslanov, E.V., Sataev, R.M., Kufterin, V.V., Shamsutdinov, M.R., 2024, *On the problem of the cities of the Southern Urals in the Middle Ages*. Samrau-Media, Ufa, 386 p. (In Russ.)
- Furasyev, A.G., 2012, "The Persian campaign of the Huns at the beginning of the 5th century according to Priscus of Panium", *Gold, Horse and Man. Collection of Articles Dedicated to the 60th Anniversary of A.V. Simonenko*, KNT, Kiev, pp. 449–462. (In Russ.)
- Shmuratko, D.V., 2012, *Barrow Burial Mounds of the Kharino Type in the Upper Kama Region in the Context of Cultural and Historical Processes of the Great Migration Period (Statistical Analysis of Funerary Complexes)*. Dissertation... Candidate of Historical Sciences. Kazan, 232 p. (In Russ.)
- Orlova, E., Batalova, V., Schlütz, F., Pereskokov, M., Shumilovskikh, L., 2025, "Archaeobotanical and isotope studies evidence crop cultivation already during the Early Iron Age in the boreal forests of the cis-Urals (Kama river basin)", *Vegetation History and Archaeobotany*, vol. 35, pp. 287–312. <https://doi.org/10.1007/s00334-025-01053-8>

Сведения об авторах

Михаил Васильевич Кривошеев, кандидат исторических наук, Волгоградский государственный университет, Российская Федерация, г. Волгоград. E-mail: krivosheev.azi@volsu.ru, ORCID: 0000-0003-4847-8209, Scopus ID: 57205446902

Владимир Юрьевич Малашев, кандидат исторических наук, Институт археологии РАН, Российская Федерация, г. Москва. E-mail: malashev@yandex.ru, ORCID: 0000-0002-1276-7650, Scopus ID: 6507798495

Information About the Authors

Mikhail V. Krivosheev, Cand. Sc. (History), Volgograd State University, Russian Federation, Volgograd. E-mail: krivosheev.azi@volsu.ru, ORCID: 0000-0003-4847-8209, Scopus ID: 57205446902

Vladimir Yu. Malashev, Cand. Sc. (History), Institute of Archaeology of RAN, Russian Federation, Moscow. E-mail: malashev@yandex.ru, ORCID: 0000-0002-1276-7650, Scopus ID: 6507798495

Авторский вклад:

Авторы внесли равный вклад в исследование и написание статьи, ознакомились с окончательным текстом и несут равную ответственность

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов

Authors' contributions:

All authors contributed equally to the research and writing of the article, reviewed the final text and bear equal responsibility

Conflict of interests: the authors declare the absence of conflict of interests